

Глава 66. Бред (5)

— Мы ведь не разговаривали.

Сказал я, держа руку на плече Серафины.

Голос, на удивление, не был хриплым.

— И я... хотел вот так сидеть рядом... мирно болтать о том, о сём.

А не так, чтобы мы постоянно ходили в кафе, пили кофе, ели десерты, немного препирались, и в итоге всё заканчивалось ссорой.

Я просто хотел быть вот так вместе.

Я почувствовал, как плечи Серафины мелко дрожат от моего прикосновения.

Она подняла голову и посмотрела на меня.

— Тогда... давай так и сделаем.

Ведь можно же, прямо сейчас, продолжать быть вот так вместе.

И тебе не нужно будет каждый раз приносить письма, как ты писал, в парке ведь красиво светит луна, так что мы возьмём сэндвичи, да?

Её голос, влажный от слёз, мелко дрожал.

— Может... ты сейчас хочешь быть рядом не потому, что я тебе нравлюсь, а просто потому, что я выгляжу немного встревоженным?

Её зрачки забегали.

Выражение лица было сложным.

— Ты ведь добрая ко всем.

— Добрая...

Повторила за мной Серафина.

А потом слегка опустила голову.

Бессмысленно теребила пальцы, лежавшие на коленях.

— Не то чтобы... этого совсем нет... но, в принципе, разве я могу тебя не любить?

— Нет. Обычно любящие люди так себя не ведут. Как я, или ты.

— Мы... мы ведь не такие, как обычные люди.

С самого детства у нас были только мы вдвоём.

Другие не поймут.

Ни молодая госпожа, ни отец, ни кто-либо ещё вокруг.

— Тебе ведь не очень-то нравилось быть со мной.

Ты пришла один раз несколько дней назад, а потом всё время меня избегала.

— Это... это не потому, что ты мне не нравишься, а просто... я была так растеряна...

В голове всё путалось.

— Правда?

— ...Да.

— Но ведь нам скоро придётся разорвать помолвку.

— ...Откуда, откуда ты услышал?

Еле выдавленный голос был почти не слышен.

Я не стал скрывать, кто мне сказал.

— От блистательной молодой госпожи.

При упоминании Левины Серафина ещё сильнее прикусила нижнюю губу.

Настолько, что, казалось, вот-вот пойдёт кровь.

— Хоть до молодой госпожи... и дошли слухи, но я... я пыталась как-нибудь всё замять!

Отец, услышав, что тебя скоро выгонят из семьи... самовольно...

Она, задыхаясь, выпалила слова.

Предложения не складывались.

— Это ведь невозможно замять.

Это не то, что можем решить ты или я.

Это вопрос, который решают блистательная молодая госпожа и граф Велуз.

На мои слова Серафина покачала головой.

Казалось, она отчаянно пытается это отрицать.

— Я, я что-нибудь сделаю.

Тебе не нужно ни помогать, ни чего-то делать.

Всё равно тебя из семьи выгоня...!

Она оборвала фразу, словно поняв, что совершила ошибку, и плотно сжала губы.

Её лицо побелело.

— Да. Меня скоро выгонят из семьи.

Так что тебе больше нет нужды быть со мной, Серафина.

Когда это было, ты ведь говорила, что если бы не семья, то с таким, как я, и не стала бы общаться.

— Я сказала это в сердцах! Это просто, просто от злости...

— Обычно в сердцах и говорят правду.

Я, пожав плечами, съязвил.

Её лицо исказилось.

— Не из-за какой-то там семьи... я люблю тебя не из-за этого.

Сказала Серафина, задыхаясь.

Голос надломился.

— А может, это просто заблуждение, накопившееся за долгое время?

— Заблуждение? Как время, что мы провели вместе, может быть заблуждением?

— Кто знает.

Её голос слегка повысился.

Я молча смотрел на неё.

— Мне кажется, ты будешь просто смотреть, даже когда я буду умирать.

От этих слов кровь отхлынула от лица Серафины.

Она ничего не могла сказать.

Лишь застыв, смотрела на меня.

— Почему, почему я так поступлю?

Теперь ты будешь мутить воду тем, что ещё даже не случилось?

— Просто. Так кажется. Ты ведь всегда была такой.

Почему-то я почувствовал себя мелочным.

Ведь я говорил ей то же самое, что она когда-то говорила мне.

От мысли, что за десять с лишним лет, что мы провели вместе, мы стали похожи даже в том, какими словами бросаемся, когда разочаровываемся друг в друге, когда не можем доверять, стало как-то грустно, и осталась лишь пустота.

Я не очень-то хотел принимать тот факт, что время хоть и решает многое, но есть проблемы, которые оно решить не в силах.

— Когда? Нет, до этого, что я?

Серафина вскочила с места.

Её глаза были полны слёз.

— Когда это я просто смотрела?

Когда тебе было больно, когда тебе было тяжело, я ведь всегда была рядом.

И когда та сумасшедшая молодая госпожа издевалась над тобой, и когда ты якшался с гопниками!

Когда ты напивался и громил комнату, кто всё убирал?

Даже когда ты якшался с той шайкой, и какая-то девчонка висела у тебя на руке!

Её голос становился всё громче.

Несколько студентов, проходивших по коридору, искоса посмотрели в нашу сторону.

Встретившись со мной взглядом, они, словно по уговору, поспешили прочь и исчезли в конце коридора.

Я по-прежнему сидел на скамейке и смотрел на неё снизу вверх.

— Да, ты всегда была рядом.

Спокойно сказал я.

— Но ты ни разу не была полностью на моей стороне.

Когда Левина унижала меня перед тобой, когда другие показывали на меня пальцем, ты ведь просто стояла рядом и смотрела.

Ничего не говоря, просто рядом.

— Это... тогда мне было страшно молодую госпожу.

Ты ведь тоже, что мог сказать в таком возрасте такой, как она?

На лице Серафины была печаль.

Её лицо странно покраснело.

То ли от головокружения, то ли от сильного гнева.

А может, она просто простудилась.

— Что я сделал не так?

— Ты ведь всегда создавал проблемы.

И этот случай в Запретном Архиве, и драки с другими ребятами!

Ты хоть знаешь, как я, как я волновалась?

Каково мне было, по-твоему, смотреть, как ты так ломаешься?

— Серафина, ты ведь знаешь, что и в этот раз я могу сказать лишь «прости».

Я посмотрел на неё снизу вверх с тревогой и в то же время с какой-то усталостью.

Всегда один и тот же разговор, всегда один и тот же вывод.

На самом деле, многое изменилось, но если меняется лишь процесс, а результат остаётся прежним, то можно ли сказать, что что-то изменилось?

— Не знаю. Я... я думала, что понемногу всё налаживается.

Я не разговаривала с теми плохими ребятами, о которых ты говорил, исправно ходила на занятия, не пропуская, и оценки у меня были неплохие.

— И что с того, что у тебя хорошие оценки? Думаешь, человек меняется, прочитав пару лишних строк в книге?

В голосе Серафины слышалось разочарование.

— Что толку, что у меня талант к магии, если я не могу вернуть расположение парня, который стоит передо мной.

Так какая разница, какие там оценки или книги.

Я горько усмехнулся.

— Тогда что я должен был сделать?

— Если бы я знала, я бы сама что-нибудь сделала.

Сказала Серафина дрожащим голосом.

Я хотел было ответить на эти слова, но почему-то не смог легко открыть рта.

До каких пор, сколько ещё раз, умирая, я должен проходить через это?

Я посмотрел на неё с усталым выражением.

Серафина, увидев меня, схватилась правой рукой за ворот своей одежды и, пытаясь остановить дрожь, сжала запястье левой.

В тот момент, когда меня начало охватывать неприятное чувство от того, что вывод всегда один и тот же.

Серафина медленно перевела дух.

И, выдохнув дрожащий воздух, тихо заговорила.

— Если бы я знала, я бы точно что-нибудь сделала, Лавин.

Но я ничего не знаю. Внезапно, внезапно в груди так больно.

Мне кажется, что ты исчезнешь.

Она подошла ко мне и крепко схватила за руки.

Холодные руки.

— Я бы тебе помогла. Если бы знала, что делать, точно, точно бы помогла. Я правда ничего не знаю, Лавин.

Она перебирала мои пальцы один за другим, медленно.

Словно молящийся.

— Не смотри на меня так, будто не знаешь меня.

Не смотри на меня такими глазами.

Её голос стал влажным.

— Просто прости, что не смогла помочь, что не смогла поверить.

Она, оборвав фразу на полуслове, заплакала.

— Поэтому, не смотри так.

Я не хочу видеть такое выражение.

Она говорила, всхлипывая.

— Скажи, что любишь, скажи, что я у тебя одна.

Скажи, что ты счастлив, потому что я рядом.

Беззвучные слёзы текли по её щекам.

— Я всё сделаю, мне кажется, я умру. Каждый день.

Мне кажется, я сказала тебе то, чего не говорила, и мне снится, как ты умираешь у меня на глазах.

Поэтому, пожалуйста, не смотри на меня так. У тебя всегда, всегда было такое выражение перед смертью.

Вид Серафины, стоящей на коленях передо мной на скамейке, был не самым приятным.

Я поднял её.

А потом, медленно похлопывая по спине, кое-как успокоил.

— Ты ведь говоришь, что любишь меня.

На эти слова Серафина, ничего не ответив, всхлипнула и кивнула.

Она уткнулась лицом мне в плечо.

Она, в моих объятиях, на мгновение засомневалась.

Но в итоге, не глядя, какое у неё выражение, коротко ответила:

— ...Да.

Может, я и хотел бы услышать это немного раньше.

Настолько, что вместо радости я почувствовал какую-то неловкость.

Сейчас-то она ведёт себя так, будто готова на всё, но действительно ли она скажет «всё в порядке», когда я что-нибудь натворю?

Если бы, как в прошлый раз, Серафина была передо мной, когда я стрелял в Левину и убил герцогиню, разве она не осудила бы меня?

То, что с каждой смертью что-то меняется, — это точно.

Но что именно меняется, я начал понимать лишь смутно, очень смутно.

Что делать, я по-прежнему не знал.

Но я решил, что больше не буду просто стоять и смотреть, как подруга детства, стоящая рядом.

<http://erolate.org/book/1526/189244>